

Мотив говорящей головы в литературных предисловиях синодиков

Е.С. Шадрина (инокиня Мария)✉

Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация

✉ maria.solba99@gmail.com

Резюме

Мотив говорящей головы встречается как в фольклоре, так и в литературе. В синодичных литературных предисловиях присутствуют несколько текстов, содержащих этот мотив. Все они принадлежат к символическому жанру чуда. Самое известное из них — беседа преподобного Макария с черепом идольского жреца. Другие два чуда описывают события, случившиеся с разбойником и воином, головы которых смогли исповедаться после смерти, поскольку их обладатели при жизни почитали Пресвятую Богородицу. Чудеса о говорящих головах служили в синодике наглядными примерами, иллюстрировавшими важность молитвы об усопших и необходимость подготовки к Вечной Жизни.

Ключевые слова: синодик с литературными предисловиями, чудо, мотив говорящей головы, жанр, фольклор

Для цитирования: Шадрина, Е.С. (инокиня Мария) (2025). Мотив говорящей головы в литературных предисловиях синодиков. *Язык и текст*, 12(3), 86—97.
<https://doi.org/10.17759/langt.2025120308>

The motif of the talking head in the literary prefaces of the synods

E.S. Shadrina (nun Maria)✉

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

✉ maria.solba99@gmail.com

Abstract

The motif of the talking head is found in both folklore and literature. In the synodical literary prefaces, there are several texts with such a motif. All of them belong to the symbolic genre of miracle. The most famous of them is the conversation of the Reverend Macarius with the skull of the idol priest. The other two miracles describe events that happened to a robber and a warrior, whose heads were able to confess after death, since their owners venerated the Holy Mother of God during their lifetime. Miracles about talking heads served as visual examples in the synodikon,

illustrating the importance of prayer for the dead and the need to prepare for Eternal Life.

Keywords: synodicon with literary prefaces, miracle, talking head motif, genre, folklore

For citation: Shadrina, E.S. (nun Maria) (2025). The motif of the talking head in the literary prefaces of the synods. *Language and Text*, 12(3), 86—97. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120308>

Синодики с предисловиями, принадлежащие к третьей, позднейшей редакции, обращают на себя внимание разнородностью литературного материала. Тексты синодичных предисловий отличались по жанру, стилистическим особенностям, источникам заимствования, но все они были объединены идейной направленностью книги. Поучения, вирши о смерти, погребальные песнопения, сюжетные фрагменты пробуждали в душах мысли о Вечности, настраивали на покаянный, молитвенный лад, сподвигали на добрые дела в память об усопших и для спасения своей бессмертной души.

Ключевая идея синодика — всепобеждающая сила молитвы, преклоняющей милосердие Божие даже к тем, кто не успел своевременно принести покаяние. Чудо — один из самых распространенных жанров, встречающихся в синодичных предисловиях. Такие тексты свидетельствовали: Господь «побеждает естества чин» (Триодь, л. 123), когда люди с верой и упованием прибегают к Нему, к Его Пречистой Матери и святым. В синодичных предисловиях акцентировалось внимание на том, что суд Божий — это не человеческая, а Божественная справедливость. Олицетворением такой сверхъестественной Божественной справедливости является мотив говорящей головы, встречающийся в синодиках.

На примере сюжетов литературных предисловий Сольбинских синодиков можно рассмотреть мнимую «алогичность» синодичной назидательности, противоречащую земному мудрованию, но вполне созвучную Новому Завету. На вечные мучения осуждался евангельский богач, не обращавший при жизни внимания на нищего Лазаря (Синодик ПЗГИАХМЗ № 4310, л. 5 об.). Герой притчи о трех друзьях «небрежение имеяше велми» о добродетелях и должен был предстать перед судом «аки нѣчто зло сотворилъ» (Синодик ПЗГИАХМЗ № 4310, л. 8 об.). «Изо мроша безъвременно и во адѣ мучими суть» (Синодик ПЗГИАХМЗ № 4309, л. 19 об.; Синодик ПЗГИАХМЗ № 4310, л. 22 об.) роскошник со своей женой, которые жили сегодняшним днем, наслаждались всевозможными благами и не поминали усопших. При этом языческий жрец и подобные ему, находясь в аду, «многу ослабу имеютъ» (Синодик ПЗГИАХМЗ № 4310, л. 26 об.) по молитвам христиан. Сподобляется покаяния взятый на месте преступления разбойник Домицел, который, несмотря на свою греховную жизнь, не переставал молиться Пресвятой Богородице (Синодик ПЗГИАХМЗ № 4309, л. 22 об.; Синодик ПЗГИАХМЗ № 4310, л. 25 об.). По молитвам благочестивого сына была избавлена от вечной муки его мать-блудница.

Примечателен эсхатологический оптимизм синодика, проявляющийся даже в отборе жанров для предисловий. Примеры безрадостного жизненного финала представляли перед читателем исключительно в жанре притчи. В Сольбинских синодиках такими были сюжеты о трех друзьях, о богаче и Лазаре, о роскошнике. Герои притч были наказаны за свое нерадение, служили грозным предостережением для читателей, но все эти устрашающие примеры представляли собой иносказание, назидательное обобщение. Милосердие Божие

являлось в принципиально ином, символическом жанре чуда. К нему относились тексты о черепе жреца (Синодик ПЗГИАХМЗ № 4310, л. 26 об.), о разбойнике Домицелле (Синодик ПЗГИАХМЗ № 4309, л. 22 об.; Синодик ПЗГИАХМЗ № 4310, л. 25 об.), о блудной матери (Синодик ПЗГИАХМЗ № 4309, л. 21 об.), о плененном в Персиду (Синодик ПЗГИАХМЗ № 4309, л. 23 об.). В притчах, более «заземленном» жанре, не было ничего чудесного, однако не в них, а именно в чудесах, выходящих за рамки человеческого разума, отображалась достоверная реальность — «высшего порядка», «сверхисторическая», духовная (Прокофьев, 1991, с. 16). Чудеса служили подтверждением действенности церковного поминовения, вселяли надежду на спасение.

Пороки спасенных грешников, о которых повествуют синодики, были грубы, жизнь этих людей явно противоречила заповедям, однако и они сподоблялись милосердия Божия. Неслучайно в церковных молитвословиях именно такие кающиеся грешники приводятся в качестве примера: *«Прими убо и мене, Человеколюбче Господи, якоже блудницу, яко разбойника...»* (Молитвослов, 2013, с. 99).

О богачах и роскошниках в текстах Сольбинских синодиков не сообщалось, что они совершали какие-то злые поступки, обижали кого-то делом или словом, не приводились даже факты несправедливого приобретения ими богатства. Из Евангелия мы знаем лишь то, что *«человек некий бе богат, и облачашеся в порфиру и виссон, веселяся на вся дни светло»* (Лк. 16:19). Герой притчи из «Повести о Варлааме и Иоасафе» думал о богатстве, о своих родных, но не заботился о нищих (Сукина, Капков, 2021, с. 102). Неправедный душеприказчик назывался в синодике «грабителем, нем[и]л[о]стивцемъ, неподатливымъ» (Синодик ПЗГИАХМЗ № 4309, л. 17 об.; Синодик ПЗГИАХМЗ № 4310, л. 17 об.), однако его грабительство, в отличие от разбойника, было пассивно: он не делал людям зла, но не сотворил и добра. Его грех — «роскошество безвременное» (Синодик ПЗГИАХМЗ № 4309, л. 16 об.; Синодик ПЗГИАХМЗ № 4310, л. 20 об.), нежелание позаботиться ни о своей душе, ни о душе усопшего друга. Точно так же поступили впоследствии и его жена со своим новым мужем, продолжив *«жити прохладно велми»* (Синодик ПЗГИАХМЗ № 4309, л. 19 об.; Синодик ПЗГИАХМЗ № 4310, л. 22 об.) и предав забвению память покойного супруга. Исходя из морали синодика, живущий беспечно и не имеющий ходатаев за себя пред Богом оказывается в худшем положении за гробом, чем тот, кто тяжко согрешил, но при этом стремился к добру и приобрел тех, кто может *«попещися о д[у]ши его прил[и]жно»* (Синодик ПЗГИАХМЗ № 4310, л. 21 об.). *«Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают е»* (Мф. 11:12) — именно об этом повествуют все синодичные примеры.

Двупланность образов грешников, ощутивших на себе силу молитв, отразилась во встречающемся в синодичных чудесах мотиве говорящей головы. В «Указателе сказочных типов» С. Томпсона он упомянут под индексом D1610.5, близкими к нему являются мотивы: «Голова, сохраняющая в себе жизнь после отсечения» (E783), «Человек несет собственную голову в руках» (A 511.0.4) (Левицкая, 2003).

Голова, будучи иерархически самой значимой частью тела (Кутковой, 2008), традиционно олицетворяла в фольклоре человека в целом, являлась вместилищем, средоточием его жизненных сил (см. Плюханова, 1995, с. 89). На это указывают, например, русские народные пословицы: «рубль голову стережет» (Даль, 1879, т. 1, с. 109), «на тулово без головы шапки не пригонишь» (Даль, 1879, т. 2, с. 455), «нога ногу минует, а голова головы не минует» (Даль, 1879, т. 2, с. 432), «сняв голову, не приставишь» (Даль, 1879, т. 2, с. 163), «за дурацкою головою и ногам неупокой» (Даль, 1879, т. 1, с. 137), «хорош город домами, да

плох головами» (Даль, 1879, т. 1, с. 403). Даже мертвая голова или череп, кому бы они ни принадлежали, заслуживали почтительного отношения, в противном случае кощунника ждало возмездие. В былинах «Смерть Василия Буслаева» описывается, как герой на пути в «Ерасалим-град» нашел *«сухую кость, / суху голову, кость человеческу»* и непочтительно обошелся с ней: *«Стал головушку попинывать, / Стал над головушкой подиучивать»*. «Голова, кость человеческа» укорила Василия Буслаева и предрекла ему скорую смерть (Пропп, 1958, с. 470–471). В.Я. Пропп относил сказочный образ мертвой головы к числу «загробных дарителей». Мертвая голова в сказках обыкновенно принадлежала богатырю, она наделялась вещим даром, выполняла функцию волшебного помощника, советника (Пропп, 1986, с. 151–152).

Образ мертвой головы встречался и в памятниках древнерусской книжности, чаще всего как «усеченная глава». М.Б. Плюханова считала, что при рассмотрении этого символа в русских православных контекстах было бы неверно искать его корни в славянском язычестве. По мнению исследователя, этот христианский символ сформировался, в первую очередь, под влиянием особого почитания в Православной Церкви святого Иоанна Крестителя, принявшего мученическую кончину через усечение главы (Плюханова, 1995, с. 91). М.Б. Плюханова отмечала, что образ усеченной главы в преобразованном виде сохранил архаические, дохристианские идеи и занял исключительно важное место в христианской традиции. Глава являлась символом грядущего возмездия, аскетического самоотвержения, победы, воскресения (Плюханова, 1995, с. 94–96). Образ говорящей головы применительно к Предтече в Евангелии не встречается, однако он фигурирует в апокрифах. «Слово на Усекновение Иоанна Кр[е]ст[ите]ля», приписываемое в Древней Руси святителю Иоанну Златоусту, сохранило такое церковное предание: *«Несома же глава Иоаннова на блюдь на вечерю, з[лаго]лаше ко Ироду: не достоин ти имѣти жены брата твоего. И по смерти бо праведный жив есть. И главъ его усьчень, гласъ его живъ есть»* (Пролог, 1662, л. 458 об.).

Образ черепа в христианской традиции неразрывно был связан с главой Адама. Согласно преданиям, она была погребена на горе Голгофа, на нее пролилась кровь Распятого на Кресте Христа, омыв грехи и самого праотца, и всего человечества (Деревенский, 2014, с. 58). Именно поэтому глава и кости Адама нередко изображаются под Распятием. В этом контексте череп является, с одной стороны, символом смерти, грехопадения, а с другой – спасения, искупления.

Наименование черепа в древнерусских памятниках — «лобъ сухой» (Синодик ПЗГИАХМЗ № 4310, л. 26 об.). Образ сухих костей имеет еще одно символическое значение. Оно восходит к видению пророка Иезекииля, который видел поле, усеянное человеческими костями: *«и се, мнози зело на лица поля, и се, сухи зело»* (Иез. 37:2). Библейский образ сухих костей — это надежда на спасение даже для отчаявшихся, говорящих: *«сухи быша кости наша, погипе надежда наша, убиени быхом»* (Иез. 37:11). По повелению Божию Иезекииль прорек этим безжизненным костям оживление, *«и совокупяхуся кости, кость к кости, каяждо ко составу своему. И видех, и се, быша им жилы, и плоть растяше, и восхождаше (и протяжеса) им кожа верху», «и вниде в ня дух жизни, и ожиша и сташа на ногах своих, собор мног зело»* (Иез. 37:7–10). Это видение является пророчеством о всеобщем воскресении мертвых. В православной богослужебной традиции паремия «о сухих костях» (Иез. 37:1–14) читается на утрени Великой Субботы. Это чтение «знаменует собой ключевой момент всей Страстной седмицы. Его можно охарактеризовать как «перелом, после которого

вектор движения вниз, во мрак, в ад, в бездну, сменяется вектором вверх, к свету, к Пасхе воскресения» (Сорокин, 2019). Таким образом, череп и кости традиционно служили не только символом смерти, но и символом жизни, победы над смертью и адом.

Как видно из приведенных примеров, и в фольклоре, и в древнерусской литературе образ мертвой головы имел возвышенную коннотацию. Череп, глава — *pars pro toto* (лат. «часть вместо целого») человека (Кутковой, 2008), образа Божия, к которому всегда надлежит относиться с подобающим благоговением, каким бы грешником ни был его носитель: «Образъ есмь неизреченныя Твоя славы, аще и язвы ношу прегрѣшений» (Требник, 1995, л. 98).

Тексты синодичных предисловий в полной мере восприняли всю глубину и семантическую многоплановость символа говорящей головы. Опираясь на каталог, составленный Е.В. Петуховым, можно выделить три сюжета, где встречается этот мотив: о преподобном Макарии и черепе жреца (Петухов, 1895, с. 175), об исповедовавшейся усеченной голове разбойника (Петухов, 1895, с. 164) и о черепе, просившем покаяния (Петухов, 1895, с. 164).

Два из упомянутых сюжетов присутствуют в Сольбинских синодиках. Первый, наиболее популярный (Дергачева, 2011, с. 83), описывал беседу преподобного Макария со встретившимся ему черепом язычника: «Препод[об]ный о[те]цъ Макарий, ходяй по пути, обрѣте лобъ сухой мужа нечестива, суца еллина, и вопрошаше лба, аще когда коея утѣхи чюство имать. Той же сухой лоб отвѣща: “Многу ослабу имеютъ в себѣ, внегда христiane за усопшихъ м[о]л[и]твы творять”. Сей бо великий Макарий много лѣтъ трудився, о семъ моляся Б[о]гу, увѣдѣти хотя, аще кая есть полза усобишим, поминаемымъ от насъ, и сего ради яви ему Б[о]гъ» (Синодик ПЗГИАХМЗ № 4310, л. 26 об.). В Сольбинском синодике данный сюжет был представлен в краткой редакции, в других памятниках — в более пространных, детализированных.

Исследователи неоднократно отмечали взаимосвязь этого текста с фольклором. С.К. Шамбинаго высказывал мнение, что «Песнь о нераскаянной кончине», как он называл былину о смерти Василия Буслаева, была составлена на основе библейско-синодичных поучений (Шамбинаго, 1914, с. 251). «По своему назидательно-догматическому характеру и по мотивам» она «находится в ближайшем отношении к синодику» (Шамбинаго, 1914, с. 240). Литературовед обращал внимание, что мотив «встреча с мертвой головой» присутствует и в синодичных статьях, в том числе в сюжете о преподобном Макарии. Исследователь считал примечательным, что в некоторых редакциях синодичного чуда, как и в вариантах былины, череп был заменен сухой костью. Действительно, в ряде синодиков содержались сведения, что преподобный «обрѣте лбину кость суху» (Шамбинаго, 1914, с. 240), «главу и кости сухи мужа нечестива еллина» (Синодик РНБ F.I.734, л. 30). Ю.М. Шеваренкова полагала, что сравнительные наблюдения и выводы, сделанные В.Я. Проппом относительно сказочного образа мертвой богатырской головы, помогают прояснить образ черепа в сюжете о преподобном Макарии. По мнению исследователя, сухая глава выполняет в этом тексте функцию «знающего и возвещающего» героя (Шеваренкова, 2008, с. 174).

В составе синодиков непостоянного состава эпизод о встрече с черепом преподобного Макария нередко обрастал апокрифическими деталями, тесно связанными не только с библейскими символами, но и с народной культурой. Так, по некоторым источникам, череп

заговорил после того, как преподобный ударил по нему «жезлом вербовым» или «вербовнымъ» (Синодик РГБ Ф. 310 № 154, л. 93 об.; Синодик РНБ Q.I.407, л. 27; Синодик РНБ Q.I.1152, л. 45 об.; Синодик РНБ F.I.879 л. 84). Согласно народным верованиям, посох являлся тем предметом, которым снабжали умерших для путешествия в загробный мир (Пропп, 1986, с. 49–50). Преподобный Макарий в синодичном чуде не посещал мир иной, но, наткнувшись посохом на череп, узнал из его рассказа об адских мучениях. Поэтому посох выполнял в тексте не только бытовую функцию, но и становился проводником в потустороннюю реальность. Жезл традиционно считался также символ власти, в т.ч. чудодейственной: в Ветхом Завете описано, как от удара жезла Моисея дважды забил источник из скалы (Исх. 17:11 и Числ. 20:11). Согласно греческому тексту, посох преподобного был сделан из пальмы, что вполне соответствовало реалиям египетской пустыни (Алфавитный патерик, 2009, с. 216) В древнерусской книжности образ был русифицирован и приобрел символическое значение. Верб, славянский аналог пальмовой ветви, является известным христианским знаменем победы над смертью. В православной традиции вербовые ветви кладут в гроб как символ грядущего воскресения. По народным обычаям, стегание вербой сообщало здоровье и силу: «на ударяемого переносится жизненная сила растения» (Пропп, 1986, с. 196). «Вербовый жезл» пустытника становился в чуде аналогом волшебного предмета, палочки из сказок. Очевидно, что привнесение в синодик этой детали было неслучайным, оно было обусловлено ее глубоким фольклорным и библейским символизмом.

Некоторые синодичные тексты о преподобном Макарии включали в себя описание перерыва в адских мучениях для грешников в определенные дни. Это предание восходило к апокрифическому «Слову преподобнаго отца нашего аввы Макарья о исходе души от тела всякого человека» (Сборник РГБ Ф.113 № 521, л. 105 – 105 об.), однако не в точности повторяло его, а было дополнено многими подробностями. По синодику, грешники не просто могли видеть друг друга на протяжении дней, в которые установлена молитва об усопших, но и переходили на это время в райские селения: «...егда хр[и]стияне молятся в пятокъ и субботу за отшедшая хр[и]стияне, и тогда бываетъ свѣтъ в пятокъ от седмаго часа, и возводятъ д[у]ша от своихъ темныхъ и мрачныхъ мѣстъ, и причащаются к свѣтлымъ и радостнымъ мѣстамъ неизреченныя райския доброты, такоже творять и до п[о]н[е]дѣльника свѣтящися. Аще повинна, и непотребна, и грѣшна душа, и тогда будетъ причастица свѣту, и радости, и неизреченнаго веселия» (Синодик РНБ Q.I.1152, л. 46 об., сходно: Синодик РНБ F.I.323, л. 108; Синодик РНБ F.I.879 л. 84 об.; Синодик РНБ Q.I.407, л. 28; Синодик РГБ Ф.199 №241, л. 31 об.). О перерыве в адских муках на определенное время по чьему-то заступничеству сообщалось и в других апокрифических источниках: в «Хождении Богородицы по мукам» (Пыпин, 1862, с. 124), в «Слове и видении апостола Павла» (Батюшков, с. 40–41), в синодичных апокрифах о литургии и панихиде (Дергачева, 2011, с. 142). Это предание отразилось и в фольклоре, например, согласно русской пословице, «на Благовещенье и на Пасху грешников в аду не мучат» (Даль, 1879, т. 2, с. 496).

В синодиках–литературных сборниках сюжет о преподобном Макарии обыкновенно заканчивался тем, что пустытник похоронил череп. Как отмечал В.Я. Пропп, «в сказке голова есть непохороненный мертвец», «который высовывается, чтобы встать или чтобы найти кого-нибудь, кто бы его похоронил» (Пропп, 1986, с. 152). Погребение — наибольшая милость, которую можно сотворить по отношению к такой голове. Несомненно, что и в синодичном тексте похороны черепа указывают на милосердие преподобного Макария. В

некоторых синодиках, как и в фольклоре, «услуга захоронения» была «заменена услугой оживления». В сказке о Еруслане Лазаревиче описывается его встреча с «Расланеевой головой». В.Я. Пропп обратил внимание на любопытный диалог, завязавшийся между ними: «*“Галова, що мне тебя, аживить?” — А ана ему и говорит: “Если я буду памирать апать, то меня не аживай, а если я буду вечно жить, то меня ажыви”. — “Нет, Расланеева галава будишь памирать”. — “Лучше не ажывай мене апеть”*» (Пропп, 1986, с. 151, Смирнов, 1917, с. 612). Этот диалог проливает свет на природу интерполяции в синодичном сюжете о преподобном Макарии, где святой предлагает черепу оживить его: «*Хощеши ли, помолюся Г[о]с[по]ду да будеши живъ? Лбина же рече: хощу, о[т]че, да не имат ли мнѣ умерети? С[вя]тый же рече: имаши умерети. Лбина же рече: не моли, о[т]че, понеже смерть грешником люта*» (Синодик, РГБ Ф.178 № 5465, л. 19 об.–20). Встречается и более подробное объяснение черепа, отчего он не желает воскрешения: «*Небрези мене, о[т]че, занеже и первая горестъ смертная не сошла ми еще...*» (Синодик РНБ F.I.734, л. 31 об.). Таким образом, в синодике фольклорный мотив переосмысливался в христианском ключе — с привлечением цитаты из псалма о смерти грешника (Пс. 33:22).

Другие два синодичных текста, в которых фигурировал мотив говорящей головы, описывали чудесное покаяние после смерти благодаря заступничеству Пресвятой Богородицы. Оба фрагмента были заимствованы из сборника «Небо новое», составленного Иоанникием Галатовским. В первом тексте повествовалось об исповеди только что усеченной главы: «*Разбойникъ Домицель всегда поздравлялъ Преч[и]стую Д[ѣ]ву Б[огоро]д[и]цу. По семь на разбойничестве яша его, и отсѣкоша ему гл[а]ву. Гл[а]ва же его не преста гла[гола]ти, дондеже ко иерею грѣхи своя исповѣда. Сие бысть помощию и предстательствомъ Прес[вя]тыя Б[огоро]д[и]цы, яко и отсѣченная гл[а]ва ясно прогл[агола]ти можаше*» (Синодик ПЗГИАХМЗ № 4310, л. 25 об.).

Второй текст описывает еще более чудесную историю, как не умирала и ждала исповеди не просто усеченная голова, а череп, пролежавший на поле несколько лет: «*Деаз и Мерхес, два г[о]с[по]дари волоские, г[о]с[по]дарство волоское между собой воеваху. Въ 2 и 3 лѣта по брани полемъ идяху людие и видеша велику громату костей ч[е]ловѣчскихъ, от нихъ же исхождаше плачевный глас, Х[рист]а Сп[ас]ителя и Пр[е]бл[а]гословенню М[а]рию Б[огоро]д[и]цу призывающъ. Услышавше глас той людие приближевшеся к костем ч[е]ловѣчским и обрѣтоша вопиющую главу ч[е]ловѣчю, к ним гл[а]голющую: аз есмь хр[и]стіянинъ, работая пр[и]сно Пр[е]ч[и]стеи Д[ѣ]ве Б[огоро]д[и]це, но не исповѣдахся грехов моих, на сеи войне живот скончах, того ради М[а]ти Б[о]жия от вѣчныхъ мукъ мене избавляет и язык ми сохраняет, да грехи моя исповѣдаю, и азъ могу умерети по-хр[и]стіянски; тѣм же призовѣте с[вя]щ[е]ника, да исповѣдает мя и разрешит хр[и]стіянина. Исповѣдав и разрешилъ, и абие глава умолче и преста вопити*» (Петухов, 1895, с. 209–210).

С точки зрения православного богословия, оба текста описывают невозможное: «по смерти несть исповедания, ни покаяния» (Псалтирь с толкованиями, 2012, с. 57). В синодиках встречались и другие случаи покаяния грешников после смерти, но только после чудесного возвращения к жизни (Петухов, 1895, с. 162–164, 176–177). В сюжетах о разбойнике и о войне герои не воскресают, лишь их головы сохраняют способность говорить. Появление таких текстов в синодике объясняется фольклорным мотивом: в сюжетах отразилось народное верование, что после отсечения головы человек некоторое время может продолжать жить (Левицкая, 2003). В обоих текстах, западнорусского

происхождения, значительно ощущается влияние католического вероучения. В православной традиции не было настолько жестких требований к формату предсмертного покаяния. Преподобный Анастасий Синаит описывал чудо, когда платок, омоченный слезами, пролитыми во время ночной молитвы, перевесил все многочисленные и тяжкие грехи разбойника (Анастасий Синаит, прп., 2003, с. 297–299). В патерике приводился пример, как за решительное стремление к покаянию блудница, умершая по пути к монастырю, достигла спасения (Игнатий Брянчанинов, свт., 2009, с. 641–642). С точки зрения западной культуры, даже в экстремальных случаях одного сердечного покаяния перед смертью было недостаточно: требовался факт исповеди в присутствии священника. Совершение непостижимых чудес обуславливалось необходимостью соблюдения этого порядка, который ставился превыше всего: с позиций западного христианства, сохранить отсеченной голове способность речи было естественнее, чем вменить человеку покаянное сердечное сокрушение в исповедь.

Фольклорист Ю.М. Шеваренкова обращала внимание на двойственную природу образа мертвой головы, основанную на сочетании высокого образа и сниженной его трактовки (Шеваренкова, 2008, с. 174). На примере синодичных текстов эта особенность ясно прослеживается. Мотив говорящей головы встречается в текстах, описывающих загробную участь умерших без покаяния, во грехах, однако сподобившихся милости от Бога. Благоприятная концовка сюжетов вполне соответствовала фигурировавшему в них возвышенному символу.

Мотив говорящей головы был одним из важнейших образов, создающих символизм русского синодика. Вне зависимости от происхождения того или иного чуда, библейские, фольклорные и литературные параллели были тем фоном, на котором существовал символ. Он олицетворял неизбежность кончины, смерть, принесенную в мир грехопадением, но вместе с тем и неисповедимость Божественного милосердия к людям, надежду на всеобщее воскресение и Жизнь Вечную.

Список источников / References

1. *Алфавитный патерик, или Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов* (2009). М.: Изд-во Сретенского монастыря.

Alphabetical Patericon, or Memorable Tales about the Asceticism of the Holy and Blessed Fathers (2009). Moscow: Sretensky Monastery Publishing House. (In Russ.).

2. Анастасий Синаит, прп. (2003). *Избранные творения*. М.: Паломникъ: Сибирская благовонница.

Anastasius of Sinai, st. (2003). *Selected creations*. Moscow: Palomnik: Sibirskaya blagozvonnicza. (In Russ.).

3. Батюшков, Ф.Д. (1891). *Спор души с телом в памятниках средневековой литературы*. СПб.: Тип. В.С. Балашева.

Batyushkov, F.D. (1891). *The dispute between the soul and the body in the monuments of medieval literature*. Saint Petersburg: Printing house of V.S. Balashev. (In Russ.).

4. Даль, В.И. (1879). *Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр.* Т. 1–2. СПб.; М.: Тип. М.О. Вольф.
Dal, V.I. (1879). *Proverbs of the Russian people: A collection of proverbs, sayings, sayings, adages, tongue twisters, jokes, riddles, beliefs, etc.* Vol. 1–2. Saint Petersburg; Moscow: Printing house of M.O. Wolf. (In Russ.).
5. Деревенский, Б.Г. (2014). *Тайны евангельской истории.* СПб.: Алетея.
Derevenskiy, B.G. (2014). *Secrets of the Gospel History.* Saint Petersburg: Aletejya. (In Russ.).
6. Игнатий (Брянчанинов), свт. (2009). *Отечник.* М.: Даръ.
Ignatius (Brianchaninov), st. (2009). *Patericon.* Moscow: Dar. (In Russ.).
7. Кутковой, В. (2008). *Христос в человеке.* Часть 1. URL: <https://pravoslavie.ru/1401.html> (дата обращения: 28.05.2025).
Kutkovoy, V. (2008). *Christ in Man.* Part 1. (In Russ.). URL: <https://pravoslavie.ru/1401.html> (viewed: 28.05.2025).
8. *Молитвослов крупным шрифтом* (2013). М.: Терирем.
Prayer book in large print (2013). Moscow: Terirem. (In Russ.).
9. Левицкая, О. (2003). *Что общего между Орфеем, Святым Корнилием, Шарлоттой Корде и Профессором Доуэлем или сказочный мотив E783.* URL: <https://ruthenia.ru/folklore/levitskaya1.htm> (дата обращения: 28.05.2025).
Levitskaya, O. (2003). *What do Orpheus, Saint Cornelius, Charlotte Corday and Professor Dowell have in common or the fairy-tale motif E783.* (In Russ.). URL: <https://ruthenia.ru/folklore/levitskaya1.htm> (viewed: 28.05.2025). (In Russ.).
10. Петухов, Е.В. (1895). *Очерки из литературной истории синодика.* СПб.: ОЛДП.
Petukhov, E.V. (1895). *Essays on the literary history of the synodikon.* Saint Petersburg: Society of lovers of ancient writing. (In Russ.).
11. Плюханова, М.Б. (1995). *Сюжеты и символы Московского царства.* СПб.: Акрополь.
Plyukhanova, M.B. (1995). *Plots and symbols of the Muscovite kingdom.* Saint Petersburg: Acropolis. (In Russ.).
12. Прокофьев, Н.И. (1975). О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI–XVI вв. В: *Литература Древней Руси.* Вып. 1 (с. 5–39). М.: МПГУ.
Prokofiev, N.I. (1975). On the worldview of the Russian Middle Ages and the system of genres of Russian literature of the 11th–16th centuries. In: *Literature of Ancient Rus'.* No. 1 (pp. 5–39). Moscow: MPSU. (In Russ.).
13. Прокофьев, Н.И. (1991) Прелесть простоты и вымысла. В: Прокофьев Н.И., Алехина Л.И. (сост.) *Древнерусская притча.* М.: Советская Россия.

Шадрина Е.С. (инокиня Мария) (2025)
Мотив говорящей головы в литературных предисловиях
синодиков
Язык и текст, 12(3), 86—97.

Shadrina E.S. (nun Maria) (2025)
The motif of the talking head in the literary prefaces
of the synods
Language and Text, 12(3), 86—97.

- Prokofiev, N.I. (1991) The charm of simplicity and fiction. In: Prokofiev N.I., Alekhina L.I. (comp.) *Old Russian parable*. Moscow: Sovetskaya Rossiya. (In Russ.).
14. *Пролог* (1662). Вторая половина (март–август). М.: Печатный двор.
Prologue (1662). Part 2 (March–August). Moscow: Printing house. (In Russ.).
15. Пропп, В.Я. (1958). *Русский героический эпос*. М.: Гос. изд-во худож. лит.
Propp, V.Ia. (1958). *Russian heroic epic*. Moscow: State Publishing House of Fiction (In Russ.).
16. Пропп, В.Я. (1986) *Исторические корни волшебной сказки*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета.
Propp, V.Ia. (1986). *Historical roots of the fairy tale*. Leningrad: Leningrad University Publishing House. (In Russ.).
17. *Псалтирь с толкованиями* (2012). М.: Сибирская Благовонница.
Psalter with interpretations (2012). Moscow: Sibirskaya blagovonnica. (In Russ.).
18. Пыпин, А.Н. (1862). *Ложные и отреченные книги русской старины*. СПб.: Тип. П.И. Кулиша.
Pyпин, A.N. (1862). *False and renounced books of Russian antiquity*. Saint Petersburg: Printing house of P.I. Kulish. (In Russ.).
19. *Сборник слов и апокрифов* РГБ Ф.113 № 521.
Collection of teachings and apocrypha of the RSL F.113 No 521. (In Church Slav.).
20. *Синодик* ПЗГИАХМЗ № 4309.
Synodicon of the Pereslavl Museum-Reserve. No 4309. (In Church Slav.).
21. *Синодик* ПЗГИАХМЗ № 4310.
Synodicon of the Pereslavl Museum-Reserve. No 4310. (In Church Slav.).
22. *Синодик* РГБ Ф.178 № 5465.
Synodicon of the RSL F.178. No 5465. (In Church Slav.).
23. *Синодик* РГБ Ф.199 № 241.
Synodicon of the RSL F.199. No 241. (In Church Slav.).
24. *Синодик* РГБ Ф.310 № 154.
Synodicon of the RSL F.310. No 154. (In Church Slav.).
25. *Синодик* РНБ F.I.323.
Synodicon of the NLR F.I.323. (In Church Slav.).
26. *Синодик* РНБ F.I.879.
Synodicon of the NLR F.I.879. (In Church Slav.).

Шадрина Е.С. (инокиня Мария) (2025)
Мотив говорящей головы в литературных предисловиях
синодиков
Язык и текст, 12(3), 86—97.

Shadrina E.S. (nun Maria) (2025)
The motif of the talking head in the literary prefaces
of the synods
Language and Text, 12(3), 86—97.

27. *Синодик РНБ Q.I.407.*

Synodicon of the NLR Q.I.407. (In Church Slav.).

28. *Синодик of the РНБ Q.I.1152.*

Synodicon of the NLR Q.I.1152. (In Church Slav.).

29. *Синодик РНБ F.I.734.*

Synodicon of the NLR F.I.734. (In Church Slav.).

30. Смирнов, А.М. (1917). *Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества*. Т. 2. Петроград: Тип. Рос. Акад. Наук.

Smirnov, A.M. (1917). *Collection of Great Russian fairy tales from the Archives of the Russian Geographical Society*. Vol. 2. Petrograd: Printing House of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).

31. Сорокин, А., прот. (2019). «Кости сухие». URL: https://feosobor.ru/2019/04/2019_04_26_kosti/?ysclid=mb9o0ionx933635680 (дата обращения: 29.05.2025).

Sorokin, A., archpriest (2019). "Dry bones". (In Russ.). URL: https://feosobor.ru/2019/04/2019_04_26_kosti/?ysclid=mb9o0ionx933635680 (viewed: 28.05.2025). (In Russ.).

32. Сукина, Л.Б., Капков, К.Г. (2021). *Лицевые Синодики Николо-Сольбинской пустыни. XVIII век*. Местечко Сольба; Переславль-Залесский; М.: Николо-Сольбинский женский монастырь.

Sukina, L.B., Kapkov, K.G. (2021). *Illustrated Synodicons of the Nikolo-Solbinskaya Hermitage. XVIII century*. Solba township; Pereslavl-Zalessky; Moscow: Nikolo-Solbinsky Convent. (In Russ.).

33. *Требник* (1995). СПб.: Изд. Свято-Троице-Сергиевой лавры.

Trebnik (1995). Saint Petersburg: Publishing House of the Holy Trinity Lavra of St. Sergius (In Russ.).

34. *Триодъ постная* (2002). Ч. 1. М.: Изд. совет Рус. Православ. Церкви.

The Lenten Triodion (2002). Vol. 1. Moscow: Publishing Council of the Russian Orthodox Church. (In Russ.).

35. Шамбинаго, С.К. (1914). *Песни времени царя Ивана Грозного*. Сергиев Посад: Тип. И.И. Иванова.

Shambinago, S.K. (1914). *Songs of the time of Tsar Ivan the Terrible*. Sergiev Posad: Printing house of I. I. Ivanov. (In Russ.).

36. Шеваренкова, Ю.М. (2008). *Рукописная религиозная проза Нижнегородского края: тексты и комментарии*. Нижний Новгород: РАСТР-НН.

Shevarenkova, Yu.M. (2008). *Handwritten religious prose of the Nizhny Novgorod region: texts and comments*. Nizhny Novgorod: RASTR-NN. (In Russ.).

Шадрина Е.С. (инокиня Мария) (2025)
Мотив говорящей головы в литературных предисловиях
синодиков
Язык и текст, 12(3), 86—97.

Shadrina E.S. (nun Maria) (2025)
The motif of the talking head in the literary prefaces
of the synods
Language and Text, 12(3), 86—97.

Информация об авторе

Евгения Сергеевна Шадрина (инокиня Мария), аспирант, Московский педагогический государственный университет (ФГБОУ ВО МПГУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-3153-2814>, e-mail: maria.solba99@gmail.com

Information about the author

Evgenia S. Shadrina (nun Maria), PhD student, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-3153-2814>, e-mail: maria.solba99@gmail.com

Поступила в редакцию 03.07.2025
Поступила после рецензирования 28.08.2025
Принята к публикации 10.09.2025
Опубликована 25.09.2025

Received 2025.07.03
Revised 2025.08.28
Accepted 2025.09.10
Published 2025.09.25